Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-4-323-326

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИГП РАН, почетный работник сферы образования РФ,

e-mail: sko.05@mail.ru

К ВОПРОСУ О КАТОЛИЧЕСКОМ ГЕНЕЗИСЕ ИНСТИТУТА ОСНОВНЫХ ПРАВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Существуют, как минимум, три версии генезиса института универсальных праве человека. Условно их можно назвать «французская», «англо-американская» и, наконец, «испанская». Обе первые неразрывно связаны с позитивным (государственным) правом, соответственно, Франции и восточных североамериканских штатов. Для нас в рамках данной статьи особый интерес представляет собой «испанская версия», которая возникла в рамках нарождающегося международного права (см. ниже). Сначала во Франции, а потом и среди прочих западноевропейских стран возникла и утвердилась догма, согласно которой эпоха универсальных прав человека берет своё начало с Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Последняя, в свою очередь, возникла под влиянием идей «Общественного договора» Ж.Ж. Руссо. Указанную догму разрушил Георг Еллинек в своей небольшой брошюре «Декларация прав человека и гражданина: вклад в эволюцию конституционной истории», увидевшей свет в 1895 году. Главный тезис Еллинека является двояким. В формальном плане он сводится к утверждению, что французская декларация прав человека и гражданина является вторичной. В содержательном плане он сводится к утверждению, что указанная декларация является «французской версией» Биллей о правах восточных североамериканских штатов, а в основе этих Биллей лежит идея религиозной свободы. Интересно, что гораздо раньше Еллинека вплотную к идее универсального права человека подошли испанские богословы Франсиско де Витория (1483 – 1546) и Бартоломей де Лас Казас (1484 – 1566). Они первые сформулировали специальный каталог естественных неотчуждаемых прав для народов, пострадавших от колониальной экспансии (см. подробнее ниже).*

Ключевые слова: *католицизм, права человека, юридический позитивизм, теория международного права, колониализм, работорговля, свобода религии, христианские миссионеры.*

KOROLEV Sergey Viktorovich,

PhD (law), full professor, chief scientific researcher at the State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences, Honorary employee in the field of Russian education

ON A CATHOLIC EMERGENCE OF UNIVERSAL HUMAN RIGHTS IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LAW

Annotation. *There are at least three versions of what is called “emergence of universal human rights”. They may be denominated a “French” version, an “Anglo-American” one and at last a “Spanish Catholic” one. The first two of them are intrinsically connected to the French and American positive (public) law, accordingly. But for us of special interest is the third version, which is inseparably linked to the emergence of international law together with colonial expansion of Western nations. The “French” version of universal human rights boils down to the following dogma: the idea of universal human rights was born in France in 1789 and was substantiated in and by the corpus of the French Declaration of Rights of Man and of Citizen in the same year. Moreover, this Declaration had its precursor, namely J.-J. Rousseau with his “Social Contract” (1762). In due time this French dogma was destroyed by Georg Jellinek in his “Declaration of Rights of Man and of Citizens: A Contribution to Modern Constitutional History” (1895). The main argument of Jellinek was a twofold one. Its formal part boiled down to the following statement: the French Declaration of rights of Man and of Citizen was a secondary event. Its substantial part boiled down to the argument that the said*

Declaration was nothing but a "French version" of various Bills of rights of Eastern North American states, and the leading idea of those Bills was the notion of religious liberty. It is worth noting that prior to revelations of Jellinek two Dominican monks in Spain – Francisco de Vitoria (1483 – 1546) and Bartolome de las Casas (1484 – 1566)- tried to solve a problem which nowadays falls in the domain of universal rights. The said Spanish theologians were the first who managed to formulate a special catalog of natural (inalienable) rights for peoples enduring the dire consequences of the colonial expansion.

Key words: *Catholicism, legal positivism, international law theory, colonialism, slave trade, religious liberty, Chrisian missionaries.*

В классической, как и в средневековой латыни нет специального термина, указывающего на индивидуальное (субъективное) право. Римские юристы оперировали двумя терминами «lex», т.е. «закон», а также полисемантичным и, соответственно, расплывчатым термином «ius», который может означать и «закон», и «личное правопритязание», а также имеет генетическую коннотацию к «справедливости» (через термин «iustitia»).

С учётом сказанного бесполезно искать намёки на институт основных прав и свобод в творчестве главного теоретика католицизма Св. Фомы Аквинского. Для него осевой вопрос юриспруденции – тема «справедливости правителя», а не вопрос о правах (во множественном числе) подданных и не вопрос о взаимных правопритязаниях индивидов и, наконец, менее всего, вопрос о притязаниях подданных к государю (см. по контрасту ниже цитату из Еллинека). Главное в юриспруденции Св. Фомы Аквинского – взаимные обязанности, а не личные правопритязания [2].

В теории государственного права долгое время господствовала догма, что институт основных прав и свобод своим появлением обязан «галльскому гению», т.е. является продуктом политико-правовой эволюции французского публичного порядка. В самом деле, т.н. Декларация прав человека и гражданина 1789 года до сих пор является составной частью французского правопорядка. Благодаря этой Декларации впервые в позитивном праве были закреплены два важных момента:

(1) термин «личная свобода» стал составной частью универсального понятия «(личное) право» и (2) естественные права «человека» получили независимый статус от политических прав гражданина.

В своей нашумевшей брошюре «Декларация прав человека и гражданина: вклад в современную конституционную историю» [5] Еллинек последовательно выдвигает следующие тезисы:

«Общественный Договор» Ж.Ж. Руссо [7] НЕ является источником французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года.

Её источниками являются первые Билли о правах североамериканских штатов.

Особую роль при этом сыграл Билль о правах штата Вирджиния.

Источником же самой идеи закрепления в законе универсальных прав человека стала свобода вероисповедания.

Таким образом, по Еллинеку первопроходцами, стоявшими у истоков современного института основных прав и свобод, были английские пуритане и прочие сектанты и религиозные диссиденты. Проблематика частной собственности, имущественных отношений, свободы предпринимательства вообще не играла никакой роли в зарождении идеи универсальных прав человека.

Тем не менее, государственно-правовому тезису Еллинека о том, что в основе универсальных прав человека лежит религиозная свобода, можно противопоставить международно-правовой тезис, что институт основных прав и свобод может иметь и другой источник, а именно – как парадоксально – практику колониализма и сопутствующую католическую христианизацию покоренных народов. Дело в том, что задолго до Еллинека проблематикой основных прав озаботилась римско-католическая церковь в лице своих миссионеров, которые сопровождали испанских конкистадоров в их колониальных захватах, прежде всего, в Южной Америке [3]. Ясно, что Слово Божье, запечатленное в Евангелии, находилось в явном противоречии с практикой конкисты. Для христианских миссионеров данное обстоятельство означало тягостный душевный разлад ввиду невозможности примирить то, что они проповедовали с тем, что с аборигенами, включая неофитов, творили конкистадоры.

Главная проблема для миссионеров заключалась в том, что конкистадоры калькировали в завоеванных областях Южной Америки «испанский» и, следовательно «католический правопорядок», который формально держался на евангельских постулатах любви, милосердия и незлобивости, но на практике этот «христианский правопорядок»

сам себя дезавуировал жестоких притеснений, порабощения и массовых этнических чисток среди автохтонного населения. Иначе говоря, «в рамках политических порядков, которые сами были легитимированы религией и насквозь пропитаны ею, практика миссионерства легко могла стать союзником или даже инструментом колонизации» [1].

Как отмечено выше, никак невозможно было примирить практическое «христианство» конкистадоров с евангельскими проповедями миссионеров. Иначе говоря, интеграция одного с другим не представлялась возможной. Более того, юридическая элита тогдашней Испании безоговорочно встала на сторону конкистадоров, объявив колониальную экспансию в Южной Америке не только законной, но и приоритетной целью испанской внешней политики.

В отличие от испанских юристов ведущие испанские богословы того времени, прежде всего, доминиканец Франсиско де Витория (1483 – 1546), а также его собрат по монашескому ордену, т.е. другой доминиканец Бартоломей де Лас Казас (1484 – 1566) озаботились непростым вопросом: «Как совместить колониальные захваты, работорговлю и эксплуатацию автохтонного населения со Словом Божьим?

В условиях внешней политики тогдашней Испании, вообще, и конкисты, в частности, а также ввиду – явного или латентного – снисходительного патернализма в отношении «наивных дикарей» со стороны самих миссионеров невозможно было сразу постулировать идею универсальных личных прав. Именно поэтому Франсиско де Витория и Бартоломей де лас Казас сформулировали – в принципе дискуссионную – дуалистическую концепцию прав человека. Кстати, автором термина «права человека» «derechos humanos» [1] является Бартоломей де лас Казас. Он впервые применил его в защиту неевропейских народов в публичной дискуссии с королевскими юристами.

Как бы то ни было, первоначально институт «derechos humanos» делился на две сферы, которые соприкасались, но не пересекались. Другими словами, он представлял собой (1) специальный институт привилегий для конкистадоров и (2) специальный институт «правовой защиты» для аборигенов Южной Америки. Следует отметить, что в обоих случаях институт «derechos humanos» не имел признаков субъективного права. Иначе говоря, «derechos humanos» не были гарантированы правопорядком, т.е. не являлись искоспособными. Их невозможно было реализовать судебным решением по заявлению истца.

Они и не могли быть искоспособными в силу идеологической специфики католицизма, для которого любая юридическая проблематика в конечном итоге сводится к проблематике естественного права, которое, впрочем, является не только «объективным правом природы», но и «объективным правом разума». Что такое действительное, а именно искоспособное субъективное право красноречиво продемонстрировал Георг Еллинек: ««Естественное право поставило критический вопрос: Каким образом государство возможно в нравственном и правовом отношении, чем оно может себя оправдать? А именно оправдать перед индивидуумом, который с точки зрения естественно-правового подхода – и в резком контрасте с античностью и средневековьем – считается первопричиной, которая посредством свободного самоопределения в согласии со своими целями из себя самой производит государственный порядок» [4].

Как бы то ни было, в тогдашней дискуссии между королевскими правоведами и доминиканскими богословами термин «derechos humanos» сам по себе не произвёл фурора. Гораздо интереснее политический контент, в который этот термин был вовлечен. Основным нервом дискуссии между юристами и богословами был феномен рабства и работорговли.

Испанские юристы ссылались на авторитет Аристотеля. Он, как известно, считал рабство «естественным», т.е. по мнению Аристотеля естественное право легко уживается с рабским состоянием многих людей. Иначе говоря, по Аристотелю значительная часть людей, особенно, варваров суть рабы по естеству, т.е. они не могут быть свободными, они могут быть лишь рабами. Де Витория и де лас Казас трактовали термин «естественное право» с другого ракурса: они подчёркивали естественную разумность [6] людей, исходя из того, что все люди относятся к виду «homo sapiens». Соответственно, естественное право не может быть неразумным, или, с другой стороны, если оно неразумно, то оно не может претендовать на статус естественного права.

В отношении конкистадоров доминиканцы де Витория и де лас Казас закрепили следующий каталог естественных привилегий:

свободу передвижения, включая право въезда и проживания в любой стране при условии, что это не причиняет вред местному населению,

свободу торговли,

свободу земле- и водопользования,

право домициля для детей, рожденных в стране пребывания,

право проповедовать Евангелие и обращать в христианство тех, кто этого желает [1].

Что касается аборигенов Южной Америки, то испанские богословы де Витория и

де лас Казас выделяли следующие естественные (незыблемые) правопритязания:

свободу от рабства,

право на имущество,

право на уважение брачных и семейных отношений,

право на сохранение собственной политической организации,

свободу от применения насилия со стороны миссионеров, а также

соответствующее право на собственную религию и местные обычаи [1].

Выводы:

Несмотря на разницу в исходных позициях Георга Еллинека и доминиканских богословов интригует тот факт, что в обоих случаях, как видим, в зарождении института универсальных прав работает религиозный фактор, и в обоих случаях этот фактор имеет христианскую подоплеку. Более того, даже последующая свобода совести, которая легализовала атеизм как «равночестную» альтернативу религиозному мировоззрению, возникла как результат первичного религиозного энтузиазма английских пуритан в Северной Америке и испанских миссионеров в Южной Америке.

Основной тезис католической (доминиканской) доктрины прав человека гласит, что все люди несмотря на неравенство ex facto, тем не менее равны in jure просто в силу общей принадлежности к виду «homo sapiens» [1].

В каталоге прав аборигенов вызывает настороженность «право на имущество». Непонятно, включают ли доминиканцы в эту категорию также и «свободу земле – и водопользования» или же последняя зарезервирована за конкистадорами?

Также непонятно, как в условиях колониальной экспансии, косвенным бенефициарами которой являются те же католические миссионеры, можно «гарантировать» аборигенам «право на сохранение собственной политической организации».

Список литературы:

[1] Hilpert K. Die Menschenrechte – ein christliches Erbe? // Menschenrechte und europ ische Identit t: die antiken Grundlagen (Hrsg. Klaus M. Girardet, Ulrich Nortmann). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.- 2005.

[2] Hood John Y.B. The Medieval Social Order // The Essential Aquinas. – Westport: Praeger Publishers. – 2002.

[3] H ffner J. Kolonialismus und Evangelium. Spanische Kolonialethik im goldenen Zeitalter. Trier. – 1969

[4] Jellinek G. System der subjektiven ffentlichen Rechte. Freiburg: Mohr/Siebeck. - 1892. - S.90

[5] Jellinek G. The Declaration of Rights of Man and of Citizens: A Contribution to Modern Constitutional History. [1895] Transl. by M. Farrand. – N.Y. : Henry Holt and Company. – 1901.

[6] Jensen St. J. The Natural Law: A Beginner’s Thomistic Guide. – Washington: The Catholic University of America Press. - 2025

[7] Rousseau J.-J. Du contrat social [1762]. – Paris: Flammarion. – 2016.

References:

[1] Hilpert K. Die Menschenrechte – ein christliches Erbe? // Menschenrechte und europ ische Identit t: die antiken Grundlagen (Hrsg. Klaus M. Girardet, Ul-rich Nortmann). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.- 2005.

[2] Hood John Y.B. The Medieval Social Order // The Essential Aquinas. – West-port: Praeger Publishers. – 2002.

[3] H ffner J. Kolonialismus und Evangelium. Spanische Kolonialethik im gol-denen Zeitalter. Trier. – 1969

[4] Jellinek G. System der subjektiven ffentlichen Rechte. Freiburg: Mohr/Siebeck. - 1892. - S.90

[5] Jellinek G. The Declaration of Rights of Man and of Citizens: A Contribution to Modern Constitutional History. [1895] Transl. by M. Farrand. – N.Y. : Henry Holt and Company. – 1901.

[6] Jensen St. J. The Natural Law: A Beginner’s Thomistic Guide. – Washington: The Catholic University of America Press. - 2025

[7] Rousseau J.-J. Du contrat social [1762]. – Paris: Flammarion. – 2016.